

Сергей САМАРОВ

РИСК — ЭТО НАША РАБОТА

Москва 2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Риск — это наша работа / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2017. — 384 с. — (Спецназ ГРУ. Ударная группа).

ISBN 978-5-699-93767-7

Не тот человек подполковник Разин из спецназа ГРУ, который может попасться в лапы чеченским боевикам. Ну а если попался, значит, подполковнику так было надо. Теперь он ведет по горным тропам банду Шерхана к пещере, в которой спрятаны пять миллионов долларов. Пять миллионов зеленым — мощный магнит. Он притягивает к себе не только Шерхана. Что ж, пускай стервятники слетаются к пещере, подполковник мелочиться не любит: чем больше цель, тем легче поразить ее...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-699-93767-7

© Самаров С., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

1

Карандаш сердито стучит по карте.

— Они обязательно выйдут. Обязательно!

Лампочка в комнатке изжелта-тусклая, а подполковник Разин светится мрачным довольством, когда параллельно карандашу поднимает указательный палец восклицательным знаком, словно грозит им кому-то неведомому, и своих подчиненных привлекая к вниманию. На руках у подполковника тонкие велосипедные перчатки — закрывают только кисть и сами пальцы оставляют свободными, в том числе и для угроз. И при работе хоть с карандашом, хоть с оружием это удобно.

На столе перед подполковником лежит матово-потертая на сгибах ламинированная карта. На карте — «АПС»¹ в жесткой пластмассовой кобуре, рядом с пистолетом — чай в коричневой керамической полулитровой кружке, под кружкой — блюдечко с трещиной по цветочку. Блюдечко — чтобы карту не портить. Не сервиз, но все-таки аккуратно, и соответствует

---

¹ «АПС» — автоматический пистолет Стечкина. Пластмассовая кобура, прикрепляясь к рукоятке пистолета, позволяет создать приклад и вести более прицельную стрельбу.

боевому нестабильному быту мобильной группы. Подполковник только что кружку поставил. Чай парит крутым кипятком на прохладном воздухе. И лишний раз подчеркивает, что осень пришла быстрая и холодная, без дождей. Сразу в заморозки людей окунула, как в прорубь. Выходишь утром за дверь, и под ногами мерзло хрустит, ломаясь, только что облетевшая листва.

— Дзагоев никогда не упустит возможность полакомиться таким куском. Из этого вся его жизнь состоит. Однако неприятность в том, что место слишком хорошо просматривается — каждый подход на виду, и мы не знаем, кто из жителей села на него работает, хотя видим по результату — работают. А у нас там, к сожалению, никого...

— Попроси Парамошу, он тебе за сутки пятерых стукачих найдет... — даже не улыбнулся тяжелым взглядом стабильно суровый майор Паутов. Голос у него по весу взгляду уступает мало. Словно в пустое ведро говорит. — Только, Саша, учти — алименты за него сам платить будешь, поскольку с Парамоши спрос малый — команду выполнял.

— Естественно, из «черной кассы» батальона, как официально признанные за общественно полезные деяния... — добавил капитан Ростовцев.

У Ростовцева на руках полные перчатки, хотя и такие же тонкие, как у командира, и только на указательном пальце правой руки сам палец голый — чтобы лучше чувствовать спусковой крючок. Такие перчатки менее удобны для боя, но это необходимость — прикрывают экзему. И потому капитан их снимает только на ночь.

Старший лейтенант Парамонов тихо дремал, сидя на корточках, прислонившись плечом к стене, и, не открыв полностью глаза, захотел вскочить, услышав сквозь дрему, что говорят о нем. Но ноги от неудобного сидения затекли, и он пошатнулся, чуть не упал, вызвав общий смех и разрядив деловую напряженную обстановку.

Лицо у Парамоши не сказать чтобы слишком странное, но несколько непривычное. Деревенского Иванушку-дурачка напоминает, заблудившегося среди стада родных коров. И никто не подумает, что у этого парня два высших образования — недавно, в дополнение к военному училищу, заочно университет осилил. Говорить он любит много, пусть и не всегда поймешь о чем, а вот что всех очень удивляет — почему Парамошу, при его внешности, женщины любят, как кошки валериану... В пять минут договаривается. И за двадцать семь лет жизни трех жен на бегу сменил.

— Если его дервишем нарядить... Там его примут... — Разин не улыбается, когда другие смеются. По крайней мере, лицом. Только в глазах золотые искорки проскальзывают. Но тухнут быстро. — Вернемся к действию! Предложения?

Смех стих, хотя улыбки так быстро не спрятать.

— Вы сами, товарищ подполковник, сказали... *Нарядить...* — единственный из всех, высказался Парамоша. — Маскарад!

— Ну? — Разин поднял над картой взгляд вместе с бровями. В одной фразе вопросов больше, чем это позволяет сделать орфография.

— Неужто, господа мужики, мы все настолько дураками выглядим, что даже за врачей не прокатим? Да еще за ненашенских...

«Господа мужики» вошло в речь старшего лейтенанта вместо «господа офицеры», когда по поводу последнего обращения некий высокопоставленный генерал из Генштаба, услышав это, сделал Парамоше замечание: «В Российской армии уже почти восемьдесят лет существует обращение «товарищ»! Это прекрасное слово не нуждается в корректировке младших чинов...» Парамоша понял, корректировать не стал, не стал даже рассуждать о том, сколько лет существовало в Российской армии обращение «господа офицеры», потому что не уверен был в математических способностях генерала. И не спросил, какую корректировку предлагают старшие армейские чины — «господа генералы»? И заменил в своем лексиконе выражение «господа офицеры» на всем доступное и не имеющее возражений — «господа мужики».

— А если кто-то не согласен, чтобы его «мужиком» звали, пусть хоть «голубым» зовется, хоть импотентом... — сказал, правда, чуть погодя, когда генеральский след остыть успел.

И генералы сыты, и офицеры целы...

Сейчас «господа мужики» возражений не вызвало. В опасных точках генерала редко встретишь.

— Смотри-ка... — Паутов удивлен. — Парамоша у нас и во сне слышать может, о чем мы рассуждаем.

Старший лейтенант не спал уже больше суток. Прошлой ночью опять с местным снайпером ходил на «охоту». Нужную цель показывал — чеченского снай-

пера. Третий заход был. И опять неудачный. Цель не появилась. И если раньше днем мог отоспаться, в последний раз не удалось. В «зачистке» участвовал. Потому и в полудреме.

Разин вдумывается в предложение старлея. Рассуждает медленно, мысли на вес прикидывая. Так камень в руке подбрасывают, и думают, как далеко такой можно бросить.

— Ну, ладно... Рану ты, предположим, обработать сможешь, если к тебе боевик обратится... А если к тебе бабка восьмидесятилетняя завалит с геморроем... Что ты ей посоветуешь?

— Старика найти! Боевого, как петух... — ни минуты не сомневается Парамоша.

— Резонно. Это, говорят, лечит... Все болячки... — Паутов встал и отхлебнул чай из командирской кружки.

— Не наглей, — Разин отобрал кружку и сам сделал несколько маленьких глотков, глядя при этом напряженно в карту.

— Вот от такого чая у тебя сердце и болит, — не остался в долгу майор. — Даже в зоне чефир по кругу пускают. А ты его от жадности единолично потребляешь.

— Маскарад... — повторил подполковник и осмотрел всех своих офицеров.

Их девять человек вместе с ним. Отдельная мобильная офицерская группа бойцов спецназа ГРУ.

— Наверное, Парамоша прав. Я не вижу иного варианта. Не зная, откуда Дзгоев появится, мы никак не сможем его определить. Разбредемся по тропам — собратся не успеем. Рядом сядем — он носа из норы не высунет. Только одно и остается...

— Предположим, четверых ментами вырядим... — предложил Паутов. — Должна же быть охрана. Это его не спугнет. Батухан ментов не побоится. Двое за водителей «прокатят»...

— А трое станут медработниками... — подытожил Разин. — Только попрошу под белый халат не натягивать бронежилет! И все должно стать хорошо!

— И вытесним из персонала всех медсестер... Что ж тут хорошего? — не согласился Парамоша. И оглядел группу, словно требуя поддержки.

— Одну, персонально для тебя, попросим оставить.

— Главное, чтобы австрияки не вякнули, — сказал капитан Ростовцев. — А то упрутся, и ничего мы сделать не сможем.

— А кто им будет объяснять, что мы проводим операцию? — Паутов категоричен, хочет быть слегка насмешливым, но с его мрачностью это плохо получается.

— А глаз они не имеют... Если вместо медсестер подсовывают спецназовцев, значит, это уже не благотворительная миссия, а ловушка. И сами они в таком случае становятся червями на нашем крючке. Мне откровенно не кажется, что им это дело приглянется...

— Я знаю, как договориться, — сказал подполковник и еще пару раз отхлебнул из кружки. Чай парить перестал. Теперь его можно пить. — Стопроцентный довод... Они еще будут сами нас уговаривать...

И отвернулся, собираясь с мыслями. Упер кулаки в треснутый, с облезлой краской подоконник.

Сумерки за окном сгустились окончательно. Мимо окна прошел караул с разводящим. Солдаты-контрактники курят в строю, торопясь наглотаться дыма до того, как заступят на пост. За курение на посту можно нарваться на неприятность, а иногда и на пулю из городских развалин.

— Маскарад... — задумчиво повторил Разин.

— Конечно, маскарад... — вывел резюме наблюдательный Парамоша и опять присел, прислонился к стене. Глаза автоматически среагировали на положение тела и закрылись.

* * *

Задача, которую поставили перед группой еще две недели назад, — захватить полевого командира Батухана Дзагоева по кличке Меченый. Глубокий шрам через щеку — махнул с отмазкой осколок гранаты, дал Батухану приметную кличку. Полевым командиром Меченый называется еще по инерции. От его отряда почти ничего уже не осталось — десяток, от силы полтора десятка человек в продранных горами одеждах, не более. Все находятся в федеральном розыске, и нет надежды, что они оружие добровольно сложат. Только откровенный дурак сам пожелает доживать оставшиеся дни свои на казенном хлебе и без солнечного света. Отряд давно превратился в банду, которая кормится за счет похищения глупых иностранцев. Лезут зачем-то в горы... Звали их? Пусть на себя обижаются! Причем продают этих «баранов» потом не на территории Чечни, а где-то за пределами

России, где бандиты чувствуют себя более раскованно и где нет такой массированной «охоты на волков»¹. Тропы через горы тихи, и пограничники не могут перекрыть их полностью. Они и не знают полностью все тропы. Хочешь, в Грузию гуляй, хочешь оттуда дальше — иди в Абхазию... Правда, зимой тяжелее через перевалы тащиться. Да еще с иностранным грузом... И следы выдают. Потому и должны они поторопиться последнюю сезонную акцию провести. И тогда с чистой совестью на отдых отбудут. И так уже, по слухам, некоторые перевалы ранним снегом покрыло.

Прошлой зимой Меченого на Кипре видели. Но пока чиновники из МВД жирные затылки чесали, пока собрались отправить запрос в Интерпол, Дзагоев исчез и опять объявился только весной рядом с родным селом Асамги. С новыми силами. И еще несколько арабов с собой привез. Наемников.

Сейчас у Меченого есть три пленника. Француз и два итальянца. Он не успел их отправить. Когда президента республики выбирали — на счастье Батухана, нашлись опять желающие... Наблюдатели... Жены их дома, наверное, терпеть не могут, взашей гонят. Вот потому в Чечню любопытствовать и приехали. Любопытство наказуемо. Он их ждал с радостью, с чистым сердцем. Заранее предвидел, что такие найдутся. И уже выяснил цену каждого, провел деловую конкретную переписку с родственниками. Данные разведки готовит к отправке. В соседнем селе магазин ограбил. Взял только консервы и деньги. Лягушек для француза и макарон для итальянцев не припас. Ясно — в дорогу...

---

¹ На чеченском знамени времен Дудаева изображен волк.

А тут ему новые любители острых ощущений подставляются.

Меченый таких любит. Говорят, рядом со школой, где австрийцы остановились, видели человека Батухана... Разнюхивал, считал людей, определял охрану...

И если в селе Асамги объявили день приезда передвижной амбулатории для приема больных, то весть до Дзагоева непременно дошла. И он готовится...

* * *

— Отдыхать до особого... — приказал Разин.

А сам короткими подергиваниями поправил перчатки на руках. Он любит, чтобы перчатки сидели жестко, кисть обтягивали. Тогда ощущаешь, что кулак всегда к удару готов. Это внутренне мобилизует. И обостряет подсознание.

— К австриякам? — любопытствовал капитан Ростовцев.

— Да. Пока не спят...

— Попроси их кардиограмму тебе сделать, — посоветовал Паутов. И даже сказал это старательно не мрачно.

— Слонам в зоопарке кардиограммы делают? — Подполковник взялся за дверную ручку.

— Не знаю. В зоопарке не служил. Спроси Парамошу...

Парамонов опять дремлет в прежней позе. Теперь, услышав, открыл глаза, и обошелся уже без опрометчивого вскакивания.

— Только если слон официально об этом попросит... — показал, что и с закрытыми глазами все слышит.

Разин усмехнулся:

— В местном зоопарке официальную русскую речь стараются не понимать.

Сказал и вышел, плотно, без обиды, прикрыв дверь. У разведчиков глаз на затылке видит не хуже, чем спереди. Ни разу он при всех не принимал нитроглицерин. Только когда оставался в одиночестве. Или отвернувшись. А они видят. И ставят диагноз. Сердце у подполковника, честно говоря, зажимает частенько. И уже много лет. Он знает, это от перенапряжения. Командировка кончится, отдохнет, снова будет в норме.

Разин вышел на улицу. Морозным холодком поддуло под бронежилет, и он подтянул «разгрузку» на поясе, словно это может согреть.

— Прогуляться решили, товарищ подполковник? — спросил прапорщик на КПП, пытаясь почувствовать себя запанибрата с офицером чужого ведомства.

Подполковник только взглядом ответил. Прапорщик понял, что вопрос ему задавать не следовало, и принял стойку «смирно». Хотя здесь, в части внутренних войск, где спецназ ГРУ оказался на роли квартирантов, армейцы власти не имеют, спецназовцев уважают и побаиваются.

Улица полуразрушенного городка пуста, хотя до комендантского часа еще минут сорок. На перекрестке — БТР, наполовину скрытый тяжелыми фундаментными подушками. Вся Чечня этими фундаментными подушками заставлена. Если начнут строить, сгодятся. На войне же они просто незаменимы. Три подушки ставят одна на другую — стена, которую гранатомет не берет. Три подушки одна на другой — с трех сторон, сверху плита перекрытия — готовый блок-

пост. Подушки ставят без раствора. Они все равно с места не сдвинутся.

Навстречу попался патруль. Тоже внутривойсковики. Лицо офицера знакомо. Но только лицо. Ни имени, ни фамилии капитана Разин не знает. Кивнули друг другу.

— Далеко собрались, товарищ подполковник?

— Вечерний моцион.

До старой одноэтажной бывшей школы, где поселили миссию «Врачи без границ», — восемьдесят метров. Дверь закрыта. За дверью часовая-мент. Смотрит в окно. Подполковника он знает в лицо. Открыл без вопроса.

— Где твои врачи?

— В левом крыле, товарищ подполковник. В самом конце.

— Не спят?

— Только что курить сюда выходили.

Шаги в пустой школе звучат гулко, эхом отдаются.

Как же зовут начальника амбулатории?

Кажется, Хорст Кеслер... Да, именно так...

2

Брат позвонил не вовремя.

Как всегда...

Совещание еще не закончилось. Серьезный разговор идет. Завтра вместе с премьером идти докладывать президенту о состоянии подачи отопления в городскую теплосеть, поскольку холода, по прогнозам скептиков-синоптиков, в нынешнем году наступят раньше обычного. Они уже наступили, хотя еще и не